

12+

Владимир Русо

СНЕЖНЫЕ ХРОНИКИ
ТАЙНЫ ИМЕН

Владимир Русо

Снежные хроники.

Тайны имен. Книга первая

<https://litres.ru/74143322>

ISBN 9785006977556

Аннотация

Твоё имя может исчезнуть.

Вера думала, что учительница просто ошиблась. Но когда имя пропало из школьного списка, она поняла: это не глюк.

Кот знает, что это значит. Слова уходят в другой мир. Туда, где падает снег из смыслов, где имена держат всё на своих местах, а кто-то старательно стирает их — потому что решил, что так будет удобнее.

Вера с бандой ещё не знают, что мир начал терять себя. Что кто-то очень аккуратный решил навести порядок. Что чистота может быть страшнее любого хаоса.

Содержание

Пролог	5
Утро	8
Правила	31
Дверь	35
Снег	44
Просто	51
Шорохи	62
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Снежные хроники. Тайны имен Книга первая

Владимир Русо

© Владимир Русо, 2026

ISBN 978-5-0069-7755-6 (т. 1)

ISBN 978-5-0069-7756-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

В ту ночь в доме на набережной никто не спал. По крайней мере, так казалось Домино, который лежал на подоконнике и притворялся, что дремлет, хотя на самом деле следил за светом фонарей за окном. Свет дрожал. Не так, как дрожит от ветра или проезжающей машины, а как-то иначе — будто фонари сомневались, стоит ли им гореть.

Кот не мог объяснить, что именно его беспокоит. У него, в конце концов, были лапки, а не мозги философа. Но он чувствовал: что-то изменилось.

Например, в прихожей часы, которые всегда тикали с лёгким надрывом, словно устали отсчитывать время, сегодня молчали. Стрелки замерли на половине двенадцатого, и никто не заметил. Даже Вера, которая обычно слышала каждый подозрительный звук, потому что это давало повод не ложиться спать, сегодня уснула мгновенно, как будто кто-то щёлкнул выключателем.

Домино перевёл взгляд на тумбочку у кровати. Телефон Веры лежал экраном вверх, и на чёрном стекле медленно гасли значки. Сначала пропали сообщения. Потом — иконки приложений. Потом экран стал просто чёрным прямоугольником, в котором отражалась луна.

Кот спрыгнул с подоконника. Бесшумно, как умеют только коты, которые точно знают, что пол под их лапами не дол-

жен их выдавать. Он подошёл к телефону, понюхал. Запах был правильный: пластик, стекло, чуть-чуть Веркиного крема для рук. Но внутри этого запаха пряталось что-то ещё — тонкое, как струйка холодного воздуха из неплотно закрытой форточки.

Домино прищурился. В отражении экрана, там, где секунду назад была только луна, теперь колыхнулась тень. Не его тень. У неё не было ни хвоста, ни ушей. Она была слишком гладкой, слишком чистой, как лист бумаги, на котором никто не решился написать ни слова.

Кот дёрнул ухом. Сзади, со стороны кровати, послышался ровный шум — Вера дышала во сне. Слишком ровно. Слишком спокойно. Как будто её лёгкие работали по чужой команде.

Домино медленно развернулся и посмотрел на угол комнаты, где тень от шкафа встречалась с тенью от стены. В этом углу воздух казался тяжелее. И там, в этой тяжести, что-то пульсировало — едва заметно, как сердце, которое боится, что его услышат.

Кот знал: надо разбудить Веру. Надо прыгнуть на подушку, ткнуть носом в щёку, сделать то, что он делал сотни раз, когда ей снились кошмары. Но сейчас он почему-то не мог пошевелиться. Не потому, что боялся. Просто ему вдруг показалось, что если он нарушит эту тишину, то что-то ответит. И это «что-то» будет говорить не словами, а пустотой.

— Мрр, — выдохнул Домино, и звук получился тихим,

как будто его проглотило одеяло.

Тишина дрогнула. И на секунду, на одно короткое мгновение, кот увидел в углу то, чего там не было: бесцветную фигуру без лица, которая стояла и смотрела туда, где спала Вера.

А потом фигура исчезла. А вместе с ней — странное напряжение в воздухе. Часы в прихожей снова затикали, телефон загорелся привычным экраном блокировки, и Вера во сне перевернулась на другой бок, что-то пробормотав про безликих.

Домино ещё долго сидел на полу, глядя в пустой угол. Потом встал, запрыгнул на кровать и устроился за коленками у девочки, как страж в гнезде. А Вере снился сон, как кот защищает девочку от бесцветной безликой тени. Домино не спал до самого рассвета, прислушиваясь к тому, как мир за окном медленно набирает привычные звуки: шум реки, далёкий поезд, первый утренний трамвай.

Утро

Утро в доме на набережной обычно начиналось не с солнца и не с будильника, а с чьей-нибудь катастрофы.

То чайник вскипал так яростно, словно хотел уволиться, то кто-нибудь не мог найти второй носок и объявлял об этом так, будто пропал государственный секрет. Домино, если спросить его самого, считал подобный порядок вещей единственно правильным: дом должен звучать. Иначе зачем он вообще дом?

Но этим утром всё было как-то... приглушённо.

Не тихо — нет. Звуки были. На кухне звякнула ложка. В ванной хлопнула дверца шкафчика. За окном прокатился первый трамвай — старый, скрипучий, как недовольная бабушкина табуретка. Только всё это звучало так, будто кто-то набросил на утро шерстяной плед.

Домино сидел на подоконнике и хмуро смотрел во двор.

Во дворе две вороны спорили над куском булки с обычной для ворон грубостью, то есть с чувством, с толком и с явным намерением довести дело до драки. Это немного утешало. Мир, в котором вороны ещё умеют ругаться, не совсем пропащий.

— Ве-ера! — донеслось из кухни. — Если ты не встанешь сейчас, я съем твою запеканку!

Это был Вадим. Он не кричал — он сообщал факт, как

человек, у которого совесть давно научилась жить отдельно.

Вера вынырнула из одеяла, как человек, которого вытащили из очень важного и, возможно, героического сна.

— Не смей! — хрипло сказала она и тут же села. — Я её с вечера берегла.

Домино перевёл на неё жёлтый взгляд. С виду Вера была вполне обычной: волосы во все стороны, лицо сонное, одна щека примята так, будто ночью она вела переговоры с подушкой и проиграла. Но кот заметил, что проснулась она слишком быстро. Без утреннего ворчания, без обычного обряда «ещё пять минут, и я точно встану, честное слово». Будто её сон кто-то аккуратно выключил.

Это ему не понравилось.

Он спрыгнул на пол и решительно наступил лапой на телефон, лежавший у кровати.

Экран вспыхнул.

На секунду на нём мелькнули значки сообщений — а потом одно имя дрогнуло, будто его потёрли ластиком изнутри. Домино прижал уши. Имя вернулось. Но слишком уж неохотно.

— Домино, отойди, — машинально сказала Вера, натягивая свитер. — Ты опять решил, что техника создана специально, чтобы на ней сидеть?

Кот, разумеется, решил именно так, но сейчас дело было не в принципах собственности. Он ударил хвостом по её ноге и ещё раз посмотрел на экран.

Вера взглянула туда же — и ничего не заметила.

— Вот именно, ничего интересного, — сказала она, словно отвечая не коту, а самой жизни. — Ни одного сообщения от мамы.

Последнюю фразу она произнесла уже тише.

Мама была в командировке, и дом без неё не то чтобы рассыпался — нет, все держались молодцами, — но слегка разъехался по швам. Как старый свитер, который ещё отличный, просто где-то нитка пошла гулять сама по себе. Папа уже давно не жил с ними, был в Аргентине, и потому над их маленькой домашней республикой временно царили дети, Домино и беспорядок, у каждого — своя область влияния.

На кухне брат сидел за столом с видом взрослого, будто давно здесь живёт один и уже успел разочароваться в человечестве. Вадим, будучи близнецом Веры совсем не был на нее похож, он локтем подпирал подбородок, а большим пальцем машинально листал что-то в телефоне. Рядом остывал чай, к которому он не притронулся, — верный знак большой задумчивости или маленькой катастрофы.

— Запеканка целая? — с подозрением спросила Вера с порога.

— Пока да, — ответил Вадим, не поднимая глаз. — Но я не обещаю ей долгой и счастливой жизни.

— Жадина.

— Я — стратег.

Она села напротив, забрала тарелку и только тут заметила:

— Ты чего такой?

Вадим пожал плечом. Это было его любимое движение, когда он не хотел объяснять ничего вообще, включая устройство мира.

— Ничего.

— Лицо у тебя как у человека, которому приснилась контрольная по алгебре, а проснулся он на олимпиаде.

Тут он всё-таки усмехнулся — краешком рта, будто не хотел тратить на веселье слишком много сил.

— У меня в телефоне, — сказал он, — странность.

— Какая?

Он повернул экран к ней. Вера увидела список заметок. Одна из них называлась: «Не забы...»

И всё.

— Это ты так драматично написал? — спросила она.

— Я написал длиннее.

— Насколько длиннее?

— Я не помню.

Они посмотрели друг на друга.

На кухне капнул кран.

Из коридора донёсся стук — Домино, разумеется, уже уронил что-то, что ронять было совершенно необязательно.

— Прекрасно, — сказала Вера. — Кот опять решил, что мы недостаточно бодры.

Она встала, и как раз в этот миг телефон Вадима тихо звякнул. Оба посмотрели на экран.

Сообщение от мамы.

Доброе утро, мои хорошие. Как вы?

И тут же, прямо у них на глазах, вторая строка сообщения дрогнула и превратилась в:

Доброе утро. Как вы.

— Ты видел? — быстро спросила Вера.

— Что?

— Там было... — Она замолчала.

Сообщение выглядело самым обычным. Даже слишком обычным.

Вадим нахмурился. Не испуганно — он вообще не любил показывать испуг, — а так, как хмурятся люди, которым что-то не нравится, но которые ещё не решили, стоит ли об этом говорить.

— Может, связь, — сказал он наконец.

— Ага. И связь съела слово «мои хорошие», потому что ей стало неловко.

— Бывает и хуже.

— Например?

— Например, если Даня опять придёт без стука.

Даня, и его братья Илья и Натан, были папины племянники и носили гордую фамилию Волковы. Фамилии часто служили поводом для шуток между семействами Котовых и Волковых. Пикантность добавляло наличие кота Домино у Котовых и хаски Алтая у Волковых. Но общие бабушка и дедушка любящие бескрайно всех своих пятерых внуков де-

лали их одной бандой.

Словно дожидаясь своего выхода, дверь тут же грохнула.

Даня влетел в квартиру так, будто за ним гналась сама скорость. За ним, более степенно, вошёл Илья, а последним протиснулся Натан — маленький, круглоглазый, с таким выражением лица, будто он уже что-то задумал, но пока сам не решил, хорошая это идея или блестящая.

— Мы пришли, — объявил Даня с той гордостью, с какой полководцы сообщают о взятии крепости. — И у нас новости.

— У тебя всегда новости, — сказала Вера.

— Потому что я внимательный к миру человек.

— Нет, — возразил Илья, закрывая дверь. — Потому что ты везде суёшь нос.

— Это и называется быть внимательным.

Натан уже гладил Домино. Точнее, пытался. Домино терпел это с выражением мученического достоинства, какое бывает только у очень любимых котов.

— Какие новости? — спросил Вадим.

Даня сел на табурет, не спросив разрешения ни у табурета, ни у мироздания.

— Во-первых, тётя Зина из булочной два раза подряд спросила меня, как меня зовут.

— Это потому, что она знает тебя как «эй, мальчик, не трогай пирожки руками», — заметила Вера.

— Очень смешно. Во-вторых, у Ильи в школе учитель ис-

тории забыл, про что рассказывал, прямо посреди предложения.

Илья кивнул, мрачно, но без трагедии. Он вообще кивал так, будто заранее согласился с тем, что жизнь странная штука, и спорить с ней бесполезно.

— Он сказал: «А теперь важный поворот в судьбе...» — Илья чуть поднял брови. — И замолчал. Стоял, смотрел в окно. Потом сказал: «Ладно, откройте параграф». Даже не вспомнил какой.

— А у меня, — важно вставил Натан, — пропал звук у мультика. Но только у одного героя. Остальные говорили, а он рот открывал и всё.

На секунду никто не засмеялся.

Это было так необычно для их компании, что даже Доминико повернул голову.

Потом Даня всё-таки фыркнул:

— Может, он просто устал.

— Герой мультика? — спросила Вера.

— Почему нет? У всех тяжёлая жизнь.

Но смех вышел какой-то короткий. Как искра, которой не дали разгореться.

Вера взяла телефон, то есть свою мысль о сообщении мамы, и мысленно повертела с разных сторон. Дом без мамы. Молчаливое утро. Записка Вадима, которая забыла сама себя. Тётя Зина, забывшая Даню. Учитель истории, предавший историю. И этот дурацкий серый ком тревоги, который с са-

мого пробуждения сидел где-то под рёбрами и делал вид, что его нет.

— Может, взрослые просто устали, — сказала она, но даже ей самой это прозвучало как неубедительное алиби.

— Может, — легко согласился Даня. — А может, у нас начинается что-нибудь интересное.

Вот за это его и любили.

Не за то, что он постоянно лез первым. И не за то, что иногда говорил раньше, чем думал. А за то, что рядом с ним любая странность сразу переставала быть просто неприятностью и становилась приглашением к расследованию.

— Если начинается, — медленно сказал Вадим, — то надо сначала понять, что именно.

— Вот! — Даня ткнул в него пальцем. — Я всегда говорил, что ты скрытый гений.

— Ты никогда этого не говорил.

— Но думал же.

Илья тем временем подошёл к окну.

— Смотрите.

Во дворе соседка шла к калитке с собакой. Всё было совершенно обычно — и всё-таки не совсем. Тень от собаки бежала чуть в стороне, на полшага левее. Секунду. Не больше. Потом вернулась на место.

— Ты тоже видел? — быстро спросила Вера.

Илья кивнул.

Вадим уже был рядом. Даня — тоже. Натан, привстав на

цыпочки, уцепился за подоконник обеими руками, как маленький матрос за борт.

— Это из-за солнца? — спросил он.

— Солнца нет, — сказал Вадим.

И правда: небо было белёсое, ровное, без единого солнечного пятна. Только река за домами блестела так, будто ей одной забыли сообщить, что утро сегодня не в настроении.

Домино мягко вспрыгнул на подоконник и сел между ними, как человек, который с самого начала предупреждал, но его, конечно, никто не слушал.

Он смотрел не на двор.

Он смотрел на стекло.

На отражение.

И если бы кто-нибудь из детей в этот момент умел читать по-кошачьи, он бы понял: коту очень не нравится то, что стоит у них за спиной и не отражается как надо.

Но дети пока ещё не умели.

Они только чувствовали — все пятеро сразу, каждый по-своему, — что обычное утро на набережной слегка треснуло. Совсем чуть-чуть. Как лёд у берега, который ещё держится, но уже знает, что скоро под ним откроется чёрная вода.

— Значит так, — сказала Вера, первой оторвав взгляд от окна. — После школы собираемся у нас пока там не завелись взрослые. Всё рассказываем по порядку. Без вранья, без «показалось», без «сам не знаю».

— И с едой, — добавил Даня.

— И с едой, — согласилась она.

— И Домино тоже участвует, — сказал Натан, прижимаясь щекой к кошачьему боку.

Домино прикрыл глаза с видом существа, которому вечно приходится руководить дилетантами.

А потом в коридоре вдруг, ни с того ни с сего, прозвонил дверной звонок. Открыв дверь, все вздрогнули.

Потому что за дверью стояла тишина. Не обычная — лестничная, пыльная, пахнувшая краской и чужими супами. А другая. Слишком ровная. Слишком пустая.

Домино вскочил.

И в этот раз даже Вера поняла: кот не хулиганит.

Кот предупреждает.

Вера постояла на пороге чуть дольше, чем следовало бы человеку, который не хочет выглядеть глупо.

— Ну? — спросил за её спиной Даня. — Там убийца, привидение или квитанция за квартиру?

— Хуже, — сказала Вера. — Никого.

Никого — это почему-то всегда хуже. С убийцей, привидением и даже квитанцией хоть примерно понятно, что делать. А с «никого» попробуй разберись.

Домино проскользнул у её ноги, остановился на пороге, выгнул шею и внимательно уставился в пустую лестницу. Потом фыркнул. Не трусливо — оскорблённо. Как будто кто-то явился к нему домой, нажал звонок и имел наглость испариться, не дождавшись аудиенции.

— Ладно, — сказал Вадим после короткой паузы, в которой все почему-то прислушивались не к звукам, а к их отсутствию. — Мне в школу.

— Всем в школу, — поправила Вера.

— Я имел в виду: мне — срочно в школу. А тебе — как получится.

— Очень смешно.

— Я серьёзен, как учебник физики.

И все начали собираться с той поспешной неразберихой, которая бывает только в больших детских компаниях: кто-то ищет шапку, которую держит в руке, кто-то вспоминает про тетрадь в тот момент, когда уже обулся, а кто-то — Натан, разумеется, — спрашивает, можно ли взять с собой увеличительное стекло на всякий случай.

— В школу? — удивилась Вера.

— А вдруг пригодится.

— Для чего?

— Для следствия.

Это звучало настолько серьёзно, что никто даже не стал спорить.

В школе всё сначала выглядело до обидного обыкновенно.

Гардероб пах мокрой одеждой и варежками, которые прожили трудную, но насыщенную жизнь. На первом этаже кто-то уже бегал, хотя бегать было нельзя, а на втором уже кричали, что бегать нельзя, хотя это ещё никогда никого не останавливало. Девочки у окна обсуждали что-то важное с тем

выражением лиц, которое бывает только у людей, решающих судьбы мира на большой перемене. Мир, если его спросить, об этих судьбах обычно не знает, но это его проблемы.

Вера почти успокоилась.

Почти.

То есть ровно до того момента, как на литературе Маргарита Павловна начала переключку.

Маргарита Павловна была из тех учительниц, которые помнили всё. Не только фамилии и имена, но и кто три месяца назад забыл дневник, кто врал про «собаку съела сочинение», хотя собаки у него отродясь не было, а кто однажды написал слово «потрясающе» через «а» и до сих пор, вероятно, внутренне стыдится. У такой женщины память была не просто памятью — службой внутренней безопасности.

Поэтому, когда она дошла до буквы «К», Вера даже не подняла головы. Она чертила в тетради крошечную корону над словом «Домино» и думала, что кот бы одобрил.

— Ва... — сказала Маргарита Павловна и замолчала.

В классе что-то дрогнуло. Не громко. Не заметно. Просто Вера вдруг поняла, что перестала слышать скрип соседней парты.

— Варя Котова? — произнесла учительница наконец.

Класс дружно повернул головы.

Вера моргнула.

— Я Вера, — сказала она.

Маргарита Павловна подняла глаза от журнала. Посмот-

рела на Веру так, будто увидела её впервые. Не враждебно, не сердито — просто с недоумением человека, которому внезапно подменили кусочек привычного мира.

— Да? — сказала она. — Странно.

И снова посмотрела в журнал.

Долго. Неприлично долго. С таким лицом, будто журнал ей тоже подменили, а новый написали на языке, который она когда-то знала в прошлой жизни, но очень неудачно забыла.

— Хм, — произнесла она. — Конечно. Вера.

И сделала пометку.

Что-то в этот момент произошло.

Ничего такого, что можно было бы ткнуть пальцем и сказать: вот, смотрите. Не лампа мигнула. Не пол ушёл из-под ног. Не потолок превратился в облако — хотя это, возможно, хоть как-то прояснило бы ситуацию.

Нет. Просто на одно короткое мгновение собственное имя показалось Вере чужим.

Словно его кто-то только что примерял.

Как чужой свитер в раздевалке — на секунду натянул, покрутился перед зеркалом и, поморщившись, бросил обратно.

Вера так резко выпрямилась, что соседка по парте шепнула:

— Ты чего?

— Ничего.

Но «ничего» внутри уже не было. Там сидело мерзкое ощущение, будто кто-то только что открыл дверь в её ком-

нату, заглянул, пересчитал вещи и тихо ушёл, ничего не тронув. Пока не тронув.

Маргарита Павловна продолжала перекличку как ни в чём не бывало. Уже на следующей фамилии голос у неё был обычный, даже немного раздражённый — как всегда, когда половина класса отсутствовала не телом, а умом.

А Вера сидела и смотрела на поля тетради.

Там было написано: Вера.

Она быстро провела ручкой ещё раз. Вера.

Потом ещё. Вера.

Пока имя снова не стало её. Хотя бы с виду.

На перемене она поймала Вадима у кабинета биологии.

Он стоял у окна, засунув руки в карманы, и смотрел в телефон с таким выражением, какое бывает у людей, которые уже догадались, что новости плохие, но ещё надеются, что не им.

— У меня было странное, — сказала Вера без приветствия.

— У меня тоже, — ответил он так же.

Это было даже приятно. Не то чтобы приятно, конечно, — никто в здравом уме не радуется странностям. Но когда у тебя странность общая, она хотя бы перестаёт выглядеть как личное сумасшествие.

— Маргарита Павловна назвала меня Варей, — сказала Вера. — А потом смотрела в журнал, будто он её предал. Вадим нахмурился.

— У меня на контрольной подпись исчезла.

— В смысле?

Он показал листок. В углу действительно было пусто. Чистое место, аккуратное и подозрительное, как снег, на котором кто-то явно был, но успел уйти.

— Я подписал, — сказал Вадим. — Помню точно. Даже зачёркивал, потому что сначала написал криво.

— И?

— И теперь там ничего.

Вера почувствовала тот самый холодок, который с утра прятался у неё под рёбрами и делал вид, что он просто воздух.

— Это уже не совпадение, да?

— Нет, — сказал Вадим. — Это уже работа.

Он сказал это тихо, но Вере стало совсем не по себе.

— Какая работа?

Вадим убрал листок в папку.

— Не знаю. Но если кто-то делает это специально, то сначала он пробует на мелочах.

— Спасибо, — сказала Вера. — Ты как всегда умеешь ободрить.

— Я не ободряю. Я экономлю время.

Это тоже было очень вадимовское. Другой на его месте стал бы строить догадки, драматично понижать голос или хотя бы оглядываться. А этот сказал коротко, будто речь шла о протечке крана: неприятно, но надо смотреть, где именно.

К ним подлетел Даня.

Именно подлетел. Нормальные люди подходят. Даня всегда возникал с такой скоростью, словно где-то за углом у него была собственная пружина.

— У меня новости, — объявил он. — Две плохих и одна интересная.

— Начни с интересной, — попросила Вера.

— Интересная состоит в том, что плохие, кажется, одинаковые.

Они уставились на него.

Даня снизил голос — не потому, что боялся, а потому, что любил сам процесс таинственности.

— На истории, — сказал он, — Татьяна Сергеевна три раза подряд назвала Илью Игорем.

— Его и так часто так называют, — заметила Вера.

— Да, но сегодня Илья ответил: «Я не Игорь», а она сказала: «Правда?» И смотрела на него так, будто это он самовольно сменил личность без заявления.

— А вторая плохая?

— В столовой тётя Зина дала мне не мой заказ.

— Это трагедия века?

— Нет. Трагедия в том, что на подносе было написано не «Даня», а «Мальчик».

— Что? — Вера даже засмеялась. — Просто «мальчик»?

— Просто «мальчик», — мрачно подтвердил Даня. — Я, между прочим, человек с именем.

Он говорил смешно, но глаза у него были внимательные. Слишком внимательные для человека, который обычно сначала болтает, а потом думает.

После уроков их банда собралась за школой, возле старой спортивной площадки, где сетка на воротах держалась исключительно на памяти о лучших временах. Здесь всегда было удобно обсуждать важное: взрослые проходили мимо, считая, что дети занимаются ерундой, а дети, как известно, под видом ерунды делают самые серьёзные вещи.

Илья пришёл молча, в своей обычной манере — как будто он не идёт, а появляется из воздуха там, где уже всё заметил. Натан примчался позже, с рюкзаком набок и величайшим волнением на лице.

— У меня тоже было! — выпалил он с порога. — Елена Викторовна назвала меня... этим... маленьким.

— Ты и есть маленький, — сказал Даня.

— Но не в журнале же!

Это было убедительно.

Они рассказали всё по кругу, перебивая друг друга, споря о мелочах, возвращаясь к главному. И постепенно вырисовалась вещь ещё неприятнее, чем сама странность.

Сбои происходили почти в одно и то же время.

— У меня это было без десяти три, — сказал Вадим.

— У меня где-то в половине третьего, — сказала Вера.

— У меня в столовой в четырнадцать сорок, — сообщил Даня. — Я посмотрел специально. После того как меня пре-

вратили в «мальчика».

— У нас на истории тоже около этого, — кивнул Илья.

Натан, который времени не засёк, честно сказал:

— Но уже после компота.

— Очень ценные научные данные, — заметила Вера.

— Я стараюсь.

Они замолчали.

За забором проехала машина. На реке за школой кто-то крикнул чайкам что-то бессмысленное, но очень эмоциональное. В обычный день всё это казалось бы просто фоном. Сегодня же звук каждого чужого голоса почему-то напоминал, что свой можно потерять.

— Значит, так, — сказала Вера, потому что кто-то должен был говорить первым, а молчание ей сегодня совершенно не нравилось. — Завтра между двумя и тремя все следим. Записываем. Что именно происходит, с кем, где, во сколько.

— Эксперимент, — обрадовался Даня.

— Да.

— Настоящий?

— Почти.

— Тогда я беру блокнот.

— А я часы, — сказал Вадим.

— А я увеличительное стекло, — немедленно вставил Натан.

— Зачем? — устало спросила Вера.

— Вдруг имя станет маленьким.

Никто не нашёлся, что на это ответить. Что было, пожалуй, самым тревожным.

На следующий день время с двух до трёх тянулось, как жвачка, приклеившаяся к подошве. Вроде и идёшь, а ощущение такое, что тебя кто-то нарочно задерживает.

После второго урока Вера уже смотрела на часы чаще, чем в тетрадь. После третьего — чаще, чем на учителя. После четвёртого ей стало казаться, что стрелки двигаются медленнее обычного. Хотя, возможно, это была уже не мистика, а простая человеческая нервозность, тоже штука малоприятная.

В четырнадцать двадцать семь её отправили отнести журнал в учительскую.

Разумеется.

Когда в жизни начинается что-то странное, судьба немедленно решает, что для полноты картины тебя надо оставить одного в длинном школьном коридоре.

Коридор был пуст. Не совсем пуст, конечно: где-то далеко хлопнула дверь, этажом ниже кто-то засмеялся, из кабинета труда тянуло клеем и древесной стружкой. Но здесь, на этом пролёте, воздух стоял неподвижно. Даже шаги Веры звучали не так — глуше, словно пол под ней слушал и не хотел отвечать.

Она шла мимо стенда с расписанием, мимо фотографий отличников, мимо списка учеников, вывешенного к какому-то школьному мероприятию.

И вдруг остановилась.

Список дрогнул.

Нет — не сам листок. Не бумага. Имя.

Её имя.

Вера Котова стояло в середине, обычное, чёрное, скучное, как все школьные списки. А потом буквы словно пошли рябью. Не исчезли сразу — сначала потускнели, как будто кто-то смотрел на них сквозь воду. Потом мигнули.

И пропали.

На одно мгновение.

На крошечную, невозможную, ледяную секунду.

У Веры внутри всё ухнуло вниз, как в лифте, который вдруг передумал быть надёжным.

Она шагнула ближе.

Имя вернулось.

Но вместе с этим вернулось и нечто другое.

Её позвали.

Не голосом.

Не шёпотом.

Вообще не звуком.

Это было так, будто из мира вдруг вынули один маленький кусочек тишины, и на его месте образовалась пустота, точно по форме её имени. И эта пустота тянулась к ней.

Ве...

Нет. Даже не так. Без звука, без буквы, без дыхания. Просто отсутствие всего остального, которое почему-то знало,

кто она.

Вера застыла, прижимая журнал к груди.

Коридор словно вытянулся. Свет на стенах побледнел. Дверная ручка в конце коридора дрогнула, хотя к ней никто не прикасался.

— Нет, — сказала Вера вслух, сама не зная кому.

Слово прозвучало слишком громко.

Мир тут же собрался обратно.

Из кабинета слева донёсся кашель. Где-то внизу пробежали дети. На стенде висел список, и её имя было на месте — самое обычное, будто оно никогда никуда и не девалось.

Но пальцы у Веры дрожали так, будто только что держались за край чего-то очень глубокого.

Домой она шла быстро. Не бежала — это было бы слишком похоже на панику, а Вера не собиралась признавать панику хотя бы из принципа. Но шла так, что ветер цеплялся за рукава и едва поспевал.

Дома уже были Вадим и Даня. Илья пришёл через пять минут. Натан — через семь, с лицом человека, который явно хочет говорить сразу всё.

Домино лежал на спинке дивана и делал вид, что его совершенно не интересуют человеческие дела. Но левое ухо у него было повернуто в сторону двери. Это выдавало его с головой.

Вера рассказала всё по порядку.

Про перекличку. Про список. Про то, как имя исчезло.

Про зов, который был не звуком, а его дырой.

Когда она закончила, в комнате стало тихо.

Не страшно тихо. Просто по-настоящему тихо — как бывает только между людьми, которые одновременно поняли что-то важное и не очень хорошее.

Первым заговорил Вадим.

— Это проверка, — сказал он.

— Чья? — спросил Даня.

— Не знаю. Но если сначала ошибаются учителя, потом исчезают подписи, а потом имя пропадает со списка... значит, кто-то учится. Сначала пробует на краях.

— Учится стирать? — очень тихо спросил Натан.

Вадим посмотрел на него и не стал врать.

— Да.

Даня сел прямо на пол, скрестив ноги.

— Прекрасно, — сказал он. — То есть у нас завёлся кто-то, кто тренируется делать людей... без людей.

— Очень коряво сказал, — заметила Вера.

— Зато точно.

Илья, который до этого молчал, вдруг сказал:

— Если оно учится, значит, пока не умеет как следует.

Все повернулись к нему.

Он пожал плечами.

— Иначе не промахивалось бы. Не путало имена. Не делало это только на секунду.

Это было разумно. И, как всякая разумная мысль, чуть-

чуть утешало.

Чуть-чуть.

— Значит, у нас есть время, — сказала Вера.

— Или оно делает вид, что у нас есть время, — возразил Вадим.

— Спасибо, — сказала она. — С тобой рядом тревожность просто расцветает.

— Я стараюсь быть полезным.

— У тебя получается.

Домино спрыгнул со спинки дивана, подошёл к Вере и ткнулся лбом ей в колено. Не ласково. Утвердительно. Будто ставил печать.

Вера машинально погладила его.

Правила

Ночь тихо всплыла в комнату Веры, разрисовав потолок тенями от фонарей и оставив загадочные узоры на стенах. Девочка удобно устроилась в постели, уже почти погружаясь в сон, когда почувствовала лёгкое шевеление рядом. Домино, важный и пушистый, залез на подушку и, недовольно повертевшись, устроился рядом, прижавшись тёплым боком. Ночью Вере приснился сон.

Сначала — ничего особенного. Белёсый двор, слишком светлый, слишком пустой. Дом без окон. Деревья слишком черные, и воздух, от которого хотелось оглянуться ещё до того, как поймёшь почему.

Потом появился Домино.

Он сидел на заборе, аккуратно обернув хвост вокруг лап,

и смотрел на Веру так, как смотрят учителя на ученика, который наконец-то догадался открыть нужную страницу, но уже потерял пол-урока.

— Ну наконец-то, — сказал он.

Вера остановилась.

Ни удивиться, ни испугаться как следует она не успела. Во сне всегда немного поздно для правильных чувств.

— Ты... — начала она.

— Да-да, ты во сне, а я говорю, — отмахнулся Домино.

— Не делай из этого событие века. У нас есть дела поважнее твоего изумления.

— Коты не разговаривают.

— Во-первых, обидно. Во-вторых, ещё как разговаривают, просто редко снисходят. В-третьих, слушай внимательно.

Он прыгнул с забора. Во сне он двигался иначе, чем днём: не просто мягко, а так, будто сам воздух под ним заранее понимал, куда надо лечь.

— Те, кто трогают имена, пока слабые, — сказал Домино.

— Но они учатся. А всё, что учится, рано или поздно становится хуже воспитанным.

— Кто они?

Кот дёрнул ухом.

— Они, он, она, оно, я не в курсе. А вот тебе это и предстоит узнать. Если, конечно, хватит ума не влезть в первую же неприятность с разбега.

— Спасибо за веру в меня.

— Я кот, а не благотворительный фонд.

Он подошёл ближе. Глаза у него были жёлтые, ясные и совсем не кошачьи — слишком понимающие, что ли.

— Если хочешь разобраться, — сказал он уже тише, — тебе придётся увидеть их мир.

Вокруг стало ещё светлее. Или, наоборот, темнее — с такими снами никогда не поймёшь.

— Какой мир? — шепнула Вера.

Домино посмотрел куда-то ей за плечо.

И в пустом воздухе, там, где только что ничего не было, на миг заколыхалось что-то похожее на снег.

Только снег этот не падал.

Дверь

Снег висел в воздухе прямо посреди двора — не белый, не серый, а какой-то светящийся изнутри, словно каждая снежинка проглотила по крошечной звезде и теперь стеснялась это признать. Он не кружился, как обычный снег, и не падал. Он просто был. И от этого становилось не по себе.

— Это и есть их мир? — шёпотом спросила Вера.

— Пока только край, — ответил Домино. — Миры, как приличные коты, не выскакивают целиком в первую секунду. Их надо уметь увидеть.

— А если я не умею?

— Тогда научись. Люди вообще удивительно живучи. Особенно когда припрет.

Он пошёл вперёд, и Вера, конечно, пошла за ним. Во сне спорить с говорящим котом было примерно так же бесполезно, как спорить с поездом, который уже едет: он всё равно окажется правее просто потому, что тяжелее.

Двор стал странно вытягиваться. Забор, на котором секунду назад сидел Домино, ушёл в сторону. Деревья отступили, освобождая место чему-то большему. Воздух дрожал, как вода над горячими камнями, и сквозь эту дрожь всё привычное начинало выглядеть не то чтобы чужим — скорее, недодуманным.

— Слушай внимательно, — сказал Домино, не оборачи-

ваясь. — Второй раз объяснять не люблю, третий — не стану из принципа.

— Очень вдохновляюще.

— Я не вдохновляю. Я предупреждаю. Чтобы войти в Мир Смыслов, нужно выполнить три вещи.

— Какие?

Домино остановился.

Обернулся.

И посмотрел на неё с тем ужасно серьёзным видом, который у котов бывает редко и потому выглядит особенно тревожно.

— Во-первых, ты должна помнить своё имя.

— Это я как раз умею.

— Не спеши хвастаться. Большинство людей уверены, что умеют помнить себя, пока их не попросят сделать это по-настоящему.

Вера хотела возразить, но Домино уже продолжал:

— Во-вторых, ты должна найти дверь там, где её нет.

— Очень удобно.

— Миры не обязаны быть удобными. Они и так терпят людей больше, чем те заслуживают.

— А в-третьих?

Кот слегка прищурился.

— Не отдать себя страху раньше, чем сделаешь шаг.

Это прозвучало не как загадка. Как правило.

И оттого не понравилось Вере ещё сильнее.

— И всё? — спросила она с тем деланным равнодушием, которое у детей появляется именно тогда, когда им вовсе не равнодушно.

— Для начала — да, — сказал Домино. — Потом будет хуже.

— Спасибо. Ты удивительно умеешь поддержать.

— Это у вас, людей, болезнь — ждать от правды комплиментов.

Он снова двинулся вперёд. Снежное свечение становилось ярче, и Вера вдруг заметила, что под ногами больше нет ни дорожки, ни старых плиток двора. Там было что-то гладкое и зыбкое, как тонкий лёд над очень глубокой водой.

И тут она услышала шорох.

Не за спиной. Не справа и не слева.

Сразу отовсюду.

Она резко обернулась — и сердце сжалось в ледяной кулак.

У края двора стояли фигуры.

Сначала Вера решила, что это люди. Потом — что тени. Потом — что, возможно, лучше бы ей вообще ничего не решать, потому что правильный ответ всё равно окажется хуже.

Их было трое. Или пятеро. Или семь. На таких существах взгляд скользил, как по стеклу под дождём: сосчитать можно, а поверить — нет. Они были похожи на людей, у которых забыли дорисовать лица. Гладкие, пустые, безглазые головы слегка наклонялись, будто они прислушивались к че-

му-то внутри неё.

— Домино, — очень тихо сказала Вера. — Это кто?

— Безликие, — ответил кот так спокойно, что от этого стало ещё страшнее. — Не разговаривай с ними, они конечно не укусят, но объятия с ними, боюсь тебе не понравятся.

— Я и не собиралась!

— Прекрасно. Хоть одна разумная мысль за ночь.

Безликие шагнули ближе.

Не быстро. Но так бывает во сне: иногда существо не бежит, не прыгает, не бросается — просто оказывается ближе, чем секунду назад. И от этого хочется не кричать, а проснуться. К сожалению, самое неприятное в таких снах состоит в том, что они прекрасно знают о вашем желании проснуться и относятся к нему без должного уважения.

Вера попятилась.

— Что им нужно?

— То же, что всем пустым существам, — ответил Домино, распушая хвост. — Чужое имя. Чужая форма. Чужая жизнь. У них, бедняг, ничего своего.

Одна из фигур подняла руку.

На пальцах не было ногтей. Да и пальцы, если честно, выглядели так, будто рука сама ещё не до конца решила, быть ей рукой или дурной мыслью.

— Вера... — сказал кто-то.

Но это не было голосом.

Скорее, намёком на голос.

Как если бы само её имя попытались вспомнить в комнате, где уже давно никто никого не зовёт.

Вера почувствовала, как холод пробирается под кожу.

— Они знают моё имя?

— Пока только нюхают его, — коротко сказал Домино. —

А теперь — вспоминай.

— Что вспоминать?!

— Себя, разумеется! Не Пифагора же.

Он резко прыгнул вперёд, встал между ней и Безликими и зашипел так, что воздух затрещал. Не по-настоящему — по-сонному, а это, надо сказать, иной раз даже хуже.

— Имя, Вера! — бросил он. — Держи его! Не как слово. Как себя!

Это было ужасно неудобное указание.

Потому что пока всё спокойно, помнить себя легко. Ты — это ты, и спасибо большое. Но стоит появиться безликим теням, странному снегу и коту, который командует, как генерал на нервной службе, — и вдруг оказывается, что собственное имя вовсе не лежит у тебя в кармане аккуратной бумажкой.

— Я... я Вера, — сказала она.

Одна из фигур дрогнула.

— Громче, — процедил Домино.

— Я Вера!

Теперь уже все Безликие вздрогнули, словно её слова обожгли их. Но не отступили.

Зато снег впереди шевельнулся.

В этом сияющем воздухе обозначилось что-то прямое. Вертикальное. Тонкая светлая грань, потом ещё одна. Как будто кто-то осторожно начертил на пустоте очертания двери.

— Вижу! — выдохнула Вера.

— Мало увидеть, — сказал Домино, всё ещё не сводя глаз с теней. — Нужно поверить, что она твоя.

— Она и так моя!

— Сомневаешься.

— Не сомневаюсь!

— Уже сомневаешься в том, что не сомневаешься.

— Какая же ты вредная помощь!

— Зато эффективная!

Безликие снова двинулись.

Теперь быстрее.

Им не нужно было бежать — пустота умеет приближаться очень экономно.

Вера рванулась к двери. Светлая ручка вспыхнула, когда её пальцы коснулись её, — холодная, гладкая, настоящая. Самое странное было именно это: во сне, полном невозможного, она вдруг оказалась самым настоящим предметом.

Вера дёрнула.

Дверь не открылась.

За спиной раздался шорох, от которого в животе всё перевернулось.

— Домино!

— Не открывается? — рывкнул кот, всё ещё шипя на Безликих.

— Не знаю!

— Знаешь. Боишься.

И, что хуже всего, он был прав.

Она боялась не двери. Не неизвестности. Даже не Безликих. А того, что шагнёт — и перестанет быть собой. Что имя останется снаружи. Что там, за дверью, её никто не узнает, включая её саму.

Безликие были уже совсем рядом.

Она не видела их лиц — потому что лиц у них не было, — но чувствовала их жадное внимание так ясно, будто каждая их пустая голова была протянутой рукой.

Тогда Вера зажмурилась.

И начала вспоминать.

Не буквы.

Не строчку на обложке тетради.

А всё то, что делало её именно Верой.

Как папа однажды сказал, что она упрямая, и это, кажется, был комплимент.

Как мама смеётся, когда совсем устала и уже не знает, сердиться ей или обнять.

Как Вадим делает вид, что ему всё равно, а потом первым приходит на помощь.

Как Даня врёт вдохновенно, но недолго, потому что сам

же начинает смеяться.

Как Натан рассказывает о великих тайнах мира с видом человека, которому доверили управление Вселенной, но пока только до ужина.

Как Домино приходит ночью на подушку, когда страшно, и делает вид, что это он просто случайно проходил мимо.

Имя стало тёплым.

Настоящим.

Её.

Вера распахнула глаза и повернула ручку снова.

Дверь открылась.

За ней не было комнаты.

Не было лестницы, коридора или ещё чего-нибудь порядочного и понятного.

За ней был снег, как будто открываешь дверь во время метели.

Бесконечный.

Сияющий.

Живой.

И она шагнула в прекрасную светящуюся пургу.

— Домино! — крикнула Вера, уже падая вперёд, потому что во сне двери иногда не открываются, а исчезают под тобой из чистого хулиганства.

— Не беспокойся обо мне! — донёсся его голос, стремительно удаляясь. — Я кот! Я вечно выкручиваюсь! Главное — не забудь себя!

И она упала.

Сначала ей показалось, что это просто полёт.

Потом — что это вовсе не полёт, а превращение.

Её руки стали легче воздуха. Волосы рассыпались светом.

Пальцы распались на тысячи крошечных холодных искр — и, вместо того чтобы испугаться, Вера вдруг поняла, что каждая из этих искр — тоже она.

Снег

Она стала снегом.

Не мёртвым, не зимним, не тем, что тает на варежках грязной кашей.

А другим.

Светящимся.

Живым.

Бесконечно падающим и в то же время бесконечно существующим.

Она была каждой снежинкой сразу.

И каждая снежинка помнила о ней.

Внизу раскрывался мир.

Не сразу — медленно, как открывается шкатулка с секретом, если кто-то очень хитрый решил помучить вас красивой тайной.

Сначала Вера увидела свет.

Он шёл не от солнца — солнца здесь не было. Небо над ней было глубоким, как космос, но не чёрным, а переливчатым, будто в нём растворили звёзды, северное сияние и все разноцветные стёкла старых ёлочных игрушек. Свет рождался из самого снега: миллиарды сверкающих частиц плыли, кружились, оседали, и каждая несла свой оттенок — голубой, золотой, лиловый, розовый, зелёный, такой чистый, что от него щемило в груди.

Потом проступили очертания земли.

Но это была не совсем земля.

Под ней лежали светящиеся равнины, где снег собирался в мягкие переливчатые дюны. Между ними текли реки света — не вода, а будто прозрачное сияние, живое и текучее, как

если бы кто-то заставил свет научиться быть рекой. На берегах этих рек стояли деревья с ветвями из тончайшего инея, и на каждой ветке звенели маленькие огни.

Дальше поднимались города.

Не похожие на её город с набережной, но почему-то родные, словно это были его сны, его воспоминания и тайные отражения. Башни там были высокими, хрупкими на вид и невероятно прочными, словно их вырастили не каменщики, а сама мысль. У каждой был светящийся контур, тонкий и яркий, как росчерк молнии. Между башнями тянулись мосты из света, дуги, площадки, висячие галереи — всё это дрожало, переливалось, менялось, но не разрушалось.

В одном месте снег шёл особенно густо, и там город сиял так ярко, будто в нём сразу тысяча праздников решила случиться одновременно. В другом месте света было меньше, и улицы казались тихими, задумчивыми, почти прозрачными. А ещё дальше виднелись целые области, где снег ложился редкими огнями и всё выглядело более старым, приглушённым, как забытая песня, которую ещё можно вспомнить, если очень постараться.

И всё это не было похоже на обычный мир.

И всё же было на него похоже до странной боли.

Потому что здесь тоже были площади, тропы, сады, башни, мосты, тени, огни.

Только всё оказалось красивее.

Словно реальность однажды легла спать и увидела во сне

себя — такой, какой ей всегда хотелось быть.

Вера падала и не понимала, сколько уже длится это падение.

Секунду.

Час.

Сто лет.

В этом свете время вела себя неприлично и распущенно: не шло, не стояло, а просто не считало нужным объясняться.

Она пролетела над долиной, где снег сиял мягким янтарным светом, и ей почудилось, будто оттуда поднимается смех. Над серебристым лесом, где на ветвях вспыхивали и гасли крохотные созвездия. Над тёмным провалом, в котором не было почти никакого света, только редкие холодные искры — и оттого хотелось пролететь мимо как можно быстрее.

Потом ветер — если это был ветер — закружил её сильнее.

Снежинки, которыми она была, стали сближаться.

Сначала нехотя.

Потом всё быстрее.

Словно каждая крошечная часть Веры вдруг вспомнила, что она не одна, что где-то рядом есть другие её части, и вместе они — не просто снег, а кто-то целый.

Она почувствовала это очень ясно: мир вокруг был прекрасен, огромен, ослепителен — но если она забудет, кто она, он с радостью оставит её кружиться в нём вечно.

И от этой мысли, такой красивой и такой страшной, падение стало ещё глубже.

Внизу уже поднималась сияющая поверхность — мягкая, снежная, пульсирующая светом.

Вера поняла, что сейчас ударится.

Потом поняла, что у снега нет костей и ему нечем особенно ударяться.

Потом поняла, что думать такими глупостями поздно.

И в следующий миг она плавно приземлилась каждой снежинкой.

Не как девочка.

Как целая светящаяся лужица снега, рассыпавшаяся по мерцающей земле.

Некоторое время Вера лежала и пыталась понять сразу три вещи.

Во-первых, жива ли она.

Во-вторых, где у неё теперь руки.

И, в-третьих, сколько вообще можно быть снежной лужей, не начиная нервничать.

Ответ на первый вопрос, по счастью, был скорее «да», чем «нет». Ответ на второй — удручающе туманным. А третий, как выяснилось, местные законы мироздания просто игнорировали.

Она была везде — если говорить красиво и совершенно бесполезно. И нигде конкретно — если честно. Она чувствовала себя сразу каждой снежинкой, которая составляла эту

светящуюся кучку, и это было бы даже интересно, не будь так неудобно.

— Очень смешно, — сказала Вера.

Получилось тихое мерцание.

Не голос. Даже не шёпот. Просто несколько снежинок вздрогнули с таким возмущением, что смысл, кажется, стал понятен даже воздуху.

Над ней простиралось странное небо — бесконечное, глубинное, без солнца и луны. Свет не падал сверху, как у них дома, где свет вообще предпочитал люстры и иногда холодильник. Здесь свет рождался везде сразу. В каждой снежинке, в каждом холме, в каждой тонкой башне на горизонте. Мир сиял, будто кто-то очень щедрый рассыпал по нему миллионы цветных секретов.

И всё-таки Вере было не до восторгов.

Потому что где-то там оставались мама, Вадим, Даня, папа...

И чем яснее она вспоминала их, тем сильнее внутри неё что-то собиралось. Не в переносном смысле. В самом прямом. Снежинки дрожали, тянулись друг к другу, сбивались плотнее.

— Мама, — подумала Вера.

Слева что-то мягко вспыхнуло.

— Вадим.

Ещё несколько искр потянулись вверх и сцепились.

— Илья. Натан. Папа. Домино, вредный хвостатый преда-

тель...

Светлая лужица вздрогнула. Где-то внутри неё появилось ощущение плеч. Потом головы. Потом очень смутное, но уже родное чувство: я — это я. А это всего лишь сон.

Это было обнадёживающе.

И очень, очень странно.

Через минуту — или час — или сколько тут вообще полагалось одной минуте — Вера уже была похожа не на лужу, а на неудачно слепленного снеговика с амбициями человека. Верхняя часть собралась неплохо. Руки имелись. Голова тоже. Волосы, правда, пока напоминали светящийся сугроб, который задумался о причёске, но не довёл дело до конца.

Ног не было.

Точнее, они где-то были, но глубоко внизу, словно мир решил припрятать их до лучших времён.

Просто

— Помогите! — крикнула Вера.

На этот раз вышло уже вполне по-человечески.

Голос разошёлся по воздуху светлыми кругами, как бывает на воде, если бросить камешек. Только вместо воды здесь был снег, и вместо камешка — паника.

— Помогите! — крикнула она ещё раз. — Кто-нибудь! Я тут застряла! И это, между прочим, не метафора!

Никто не ответил.

Где-то далеко серебристо переливались башни. Над низкими холмами проносились лёгкие светящиеся существа, похожие то ли на птиц, то ли на мысли, которым срочно надо куда-то успеть. Но возле Веры было пусто.

Она уже набрала воздуха для третьего крика — возможно, самого драматического в своей карьере, — когда прямо над

её головой кто-то сказал:

— Она шумит.

Второй голос ответил:

— Она не шумит. Она объявляет бедствие. Это другое.

Вера задрала голову.

Над ней висели два существа. Не очень большие. Не страшные. Но настолько странные, что первые три секунды хотелось просто моргать и ждать, пока мир исправится сам.

Первое было тонкое, вытянутое, с мягким белёсым светом внутри, будто его собрали из утреннего инея и одного очень осторожного вздоха. Очертания у него всё время слегка менялись: то становились чётче, то расплывались, как рисунок на запотевшем стекле. Глаза — если это были глаза — были тёмные, круглые и удивлённые.

Второе чудо выглядело ярче, резче, угловатее. По его золотисто-оранжевому телу всё время перебегали искры, словно оно не ходило, не стояло и даже не существовало спокойно, а постоянно слегка спорило с собственными границами. У него было выражение существа, которое за один день успело встрять в пять разговоров, три спора и одно недоразумение — и собирается продолжать.

— Вы кто? — спросила Вера.

— Она спрашивает! — оживлённо воскликнуло яркое существо. — Значит, соображает. Это хорошо. Или плохо. Не решил.

— Сначала ответь, — мягко сказала белёсое. Потом по-

вернулось к Вере. — Мы Инь и Ян.

— Я Ян, — быстро добавило золотистое. — А это Инь. Она думает медленно, зато слишком много.

— А Ян думает быстро, — сказала Инь, — и потому не всегда тем местом.

— Прелестно, — сказала Вера. — Очень рада знакомству, я Вера. А теперь, может быть, вы объясните, почему я выгляжу как недоделанная снежная катастрофа?

Оба существа наклонились ниже.

Ян облетел её кругом.

— Потому что ты недособралась.

— Очень полезное наблюдение.

— Я стараюсь.

Инь присела прямо в воздухе — если можно присесть, не имея ни стула, ни пола, ни, кажется, твёрдого убеждения в необходимости анатомии.

— Ты упала свежей, — сказала она. — Новые всегда рассыпаются. Особенно если долго падают и по пути много думают.

— А если не думают?

— Тогда падают быстрее, — оживился Ян. — Но и теряются чаще. Ты, кстати, неплохо держишься для лужи.

— Спасибо, — сказала Вера сквозь зубы. — Я всегда хотела услышать это о себе.

Ян присмотрелся.

— А она язвит.

— Значит, точно живая, — кивнула Инь.

Это прозвучало так буднично, что Вера даже не сразу возмутилась.

— Конечно, я живая!

— Вопрос философский, — заметил Ян. — Здесь многие живые, пока их помнят. А некоторые очень бодрые, пока на них кто-нибудь смотрит.

— Где здесь? — быстро спросила Вера. — Что это за место? Почему я упала снегом? Почему у меня не было ног? Почему всё светится? Почему вы вообще... такие?

— Сразу много, — сказала Инь.

— Люблю таких, — сказал Ян. — Только появились, а уже хотят объяснение мира в трёх словах и желательно до обеда.

— У нас нет обеда, — напомнила Инь.

— Вот поэтому все такие нервные.

Вера уставилась на них.

— Вы можете отвечать по-человечески?

— Можем, — сказал Ян. — Но иногда не хотим.

Инь вздохнула тем видом, каким существа вздыхают, когда рядом с ними уже давно и, вероятно, надолго поселилась чужая неугомонность.

— Это Снежный Мир Смыслов, — сказала она. — Здесь всё, что было когда-то названо, подумано, сказано, почувствовано, оставляет след. Всё это собирается, падает снегом, ложится слоями и становится частью мира.

Вера замолчала.

Сказано было просто. Но в этих простых словах что-то было слишком большое.

Она огляделась.

Теперь, когда страх чуть отступил, мир действительно выглядел именно так — как место, сотканное не из камня и дерева, а из чего-то более тонкого и упрямого. Из памяти. Из мыслей. Из разговоров. Из всего, что люди обычно считают невидимым, пока оно не исчезнет.

— А почему снег? — спросила она.

— Потому что падение из вашего мира — самый честный способ появления, — ответила Инь.

— И потому что так красивее, — добавил Ян. — Миры, знаешь ли, любят наряжаться.

— Новый снег падает сверху, — продолжила Инь, — свежий, лёгкий, яркий. Старый уходит глубже. Там он становится плотнее, тяжелее, тише.

— Сверху всё быстрое, — вставил Ян. — Шумное, сияющее, переменчивое. Там города вспыхивают и меняются так часто, что не успеваешь к ним привыкнуть. А глубже всё медленнее. Стариннее. Упрямее.

— Как школа и библиотека? — спросила Вера, сама не зная почему именно так.

— Немного, — кивнула Инь. — Только не совсем. Здесь ничто не копирует ваш мир прямо. Это его отражение, но отражение во сне. Или в реке. Или в памяти того, кто очень любил и немного ошибался.

Вера посмотрела вдаль.

Теперь она замечала, что в одном месте башни были лёгкими, почти воздушными, с яркими линиями и быстрыми мостами между ними. В другом — виднелись более тёмные, спокойные холмы, будто там снег лежал давно и успел стать серьёзным. А ещё дальше что-то мерцало так слабо, что казалось то ли городом, то ли воспоминанием о городе.

— А кто здесь живёт? — спросила она.

— Кто только не живет, — оживился Ян. — Простые. Сложные. Старые. Новые. Те, кого произнесли тысячу раз. Те, кого помнят двое, но крепко. Те, кто родился вчера. Те, кто почти забыт. Те, кто вообще не должен был получиться, но очень старался.

— Мы простые, — пояснила Инь. — Самые маленькие из устойчивых. Можем собирать, соединять, держать форму, если та не слишком капризная.

— А ты, — добавил Ян, ткнув в Веру светящимся пальцем, — сейчас очень капризная форма.

— У меня нет ног.

— Это, наверное, влияет на настроение.

Вера невольно фыркнула.

И тут же воспользовалась моментом:

— Тогда соберите меня.

Инь и Ян переглянулись.

— Вот так сразу? — спросил Ян.

— А что, у вас запись по четвергам?

— Вообще-то, — сказал Ян, — мы не обязаны...

— Но можем, — мягко вставила Инь.

— Но не обязаны, — упрямо повторил он.

— Но можем.

— Но...

Инь просто посмотрела на него.

Ян замолчал. Повисел в воздухе, всем своим сияющим видом изображая величайшую несправедливость, какую только видел этот мир.

— Ладно, — буркнул он. — Соберём. Но если у неё окажется ужасный характер, ответственность на тебе.

— Характер уже есть и он ужасный, — заметила Вера. — И я с ним вполне справляюсь.

— Она мне нравится, — неожиданно сказал Ян.

— Не привыкай, — ответила Вера.

Инь протянула руки.

Из её пальцев потянулись тонкие светлые нити — не верёвки, не лучи, а что-то среднее между движением и намерением. Они коснулись снежного света у Вериных боков, подхватили его, потянули вверх. Ян тут же присоединился — его нити были ярче, резче, и работали с той бесцеремонной уверенностью, с какой опытные люди хватают падающую кастрюлю: не потому, что это красиво, а потому, что кто-то должен.

Вера почувствовала, как под ней что-то собирается.

Сначала смутно.

Потом яснее.

Колени. Голени. Ступни.

Это было довольно неприятно. Не больно — именно неприятно. Как если бы ноги вспоминали, что они ноги, после очень долгой и неудачной попытки побыть облаком.

— Ай! — сказала Вера.

— Прекрасный знак, — заметил Ян. — Значит, материал возвращается к здоровой вредности.

— Тише, — сказала Инь. — Она ещё не скрепилась.

— Я всё слышу, — напомнила Вера.

— Это тоже хороший знак, — сказал Ян.

Через несколько мгновений — или, как подозревала Вера, здесь это могли быть и целые полгода, — она уже стояла. Немного шатко. Немного светясь. Но стояла.

Это было так прекрасно, что ей захотелось сразу побежать куда-нибудь далеко, задавая по дороге ещё сто вопросов.

Она ограничилась десятью.

— Значит, если о ком-то забыли, он исчезает?

— Не сразу, — сказала Инь.

— Сначала тускнеет, — добавил Ян. — Потом слабеет. Потом уходит глубже. Или распадается. Или становится тенью себя.

— А если помнят?

— Тогда держится, — сказала Инь. — Иногда очень крепко. Даже удивительно.

— Имя правда так важно? — спросила Вера.

Теперь оба ответили сразу:

— Да.

Инь продолжила:

— Имя — это то, что собирает тебя в целое. Здесь без имени трудно удержаться. Можно быть сильным, ярким, древним. Но если имя уходит, форма начинает спорить сама с собой.

— А спорящая форма — это всегда некрасиво, — подхватил Ян. — Иногда даже взрывоопасно.

— А вы? — спросила Вера. — Вы тоже... из имён?

— Мы простые, — сказала Инь. — Нас зовут как функции. Нам хватает.

— Я бы предпочёл что-нибудь величественнее, — признался Ян. — Например, «Повелитель Блистательных Решений».

— Ты не умеешь принимать решения, — заметила Инь.

— Вот потому и величественно. Никто не догадается, что не умею.

Вера рассмеялась.

И, смеясь, вдруг снова почувствовала этот мир: сияющий, глубокий, странный, не похожий ни на что, что ей доводилось видеть, и всё-таки до жути родной.

Снежный Мир дышал вокруг неё тихим разноцветным светом. Где-то вдали переливались города. Над одним из холмов проплывало длинное создание, похожее на ленту из света. Небо без солнца сверкало так, будто каждая звезда ре-

шила заглянуть сюда лично.

И всё бы, наверное, было почти прекрасно, если бы Вера не вспомнила самое главное.

— Подождите, — сказала она. — А как мне вернуться домой?

Инь и Ян снова переглянулись.

И почему-то на этот раз Вере совсем не понравилось, как долго они молчали.

Инь и Ян переглянулись так, как переглядываются существа, которые знают ответ, но очень не хотят портить им настроение.

— Что? — быстро спросила Вера. — Почему вы молчите вот этим вашим ужасным молчанием?

— Мы не ужасно молчим, — обиделся Ян. — Мы содер­жательно выдерживаем паузу.

— Это почти всегда плохой знак, — сказала Вера.

— Не всегда, — возразила Инь мягко. — Иногда пауза нужна, чтобы не сказать сразу всё самое неприятное.

— Спасибо, — сказала Вера. — Утешили так утешили.

Шорохи

Она уже открыла рот, чтобы потребовать немедленного ответа, но тут Инь вдруг вскинула голову.

Ян перестал искрить по-обычному и как будто собрался внутрь себя.

А воздух вокруг — тот самый дивный, светящийся, снежный воздух — сделался чуть тяжелее.

Вера это почувствовала сразу.

Не как звук.

И не как движение.

Скорее как чужое внимание.

Как если бы в прекрасный зал, полный музыки и огней, вдруг вошёл кто-то, кто не умеет слушать музыку, но очень хорошо умеет считать чужие ложки.

— Что? — шёпотом спросила Вера.

Ян медленно повернулся к ней.

— А вот и ответ на вопрос, почему не надо было так орать.

— Я не орала! Я звала на помощь!

— Для местных охотников это одно и то же, — мрачно сказал он.

Сначала Вера ничего не увидела.

Только на дальнем склоне светящийся снег вдруг лёг не так. Как шерсть на спине у испуганного зверя. Потом там дрогнула тень — длинная, быстрая и слишком гладкая для

чего-то хорошего. Потом ещё одна.

И ещё.

Они выходили из сияния так, как некоторые мысли выходят из головы ночью: бесшумно, дурно и не ко времени.

— Кто это? — спросила Вера, уже заранее понимая, что ответ ей не понравится.

— Шорохи, — тихо сказала Инь.

И, надо признать, название подошло им идеально.

Они были похожи на волков лишь в той степени, в какой страшный сон похож на собаку: общее направление угадывается, но душа отказывается подписывать сходство. Длинные, гибкие, сизо-серебристые, они скользили по снегу так, будто не ступали, а вычерпывали из него свет. Шерсть у них не пушилась и не лежала — она текла, как дым по воде. Морды были узкие, слишком вытянутые, а вместо глаз в них темнели пустые впадины, в которых то и дело проскакивали бледные отблески — будто чужие забытые имена всё ещё метались там и не могли выбраться.

Но самое неприятное были не морды.

А то, как они слушали.

Шорохи остановились полукругом, и Вера вдруг поняла: они не смотрят на неё. Они прислушиваются к ней. К тому, как она собрана. К тому, как в ней держится имя.

Как голодные существа, которые не едят мясо, не пьют кровь, не грызут кости.

Они едят смысл.

— Почему они так на меня уставились? — очень тихо спросила Вера.

— Потому что ты свежая, — ответил Ян.

— И цельная, — добавила Инь.

— И громкая, — закончил Ян. — Что, извини, было стратегической ошибкой.

Один из Шорохов двинулся вперёд.

Снег под его лапами не приминался. Он тускнел.

Там, где существо проходило, разноцветные искры на миг гасли, словно кто-то проводил по миру мокрой серой ладонью.

— Что им нужно? — спросила Вера.

— Откусить кусочек, — сказал Ян с отвратительным спокойствием.

— Какой ещё кусочек?!

— Ну, например, воспоминание. Или имя. Или чувство. Обычно начинают с самого вкусного.

— А что у меня самое вкусное?!

— Судя по выражению их морд, — ответил Ян, — всё.

— Ян, — сказала Инь.

— Я стараюсь быть честным!

Шорохи приближались.

Теперь Вера слышала их лучше. Они не рычали. Не сопели. Не скалились по-волчьи.

Они шуршали.

Тихо, сухо, настойчиво — как страницы книги, которую

листают в пустой комнате, хотя там никого нет. От этого звука мурашки у Веры побежали по спине так дружно, будто репетировали заранее.

Она отступила на шаг.

Потом ещё.

— Мы можем убежать? — спросила она.

— Можем, — сказал Ян.

— Успеем? — быстро спросила Вера.

— Нет, — сказал Ян.

— Прекрасно.

— У меня вообще талант к ясности, — заметил он.

Инь сделала шаг вперёд.

Вернее, не шаг — просто оказалась чуть впереди, как вода, которая успевает лечь между берегом и падающим камнем.

— За мной, — сказала она Вере.

— А за мной — если хочешь жить чуть веселее, — добавил Ян.

Они вскинули руки.

Свет вокруг дрогнул.

Снежный Мир Смыслов, до сих пор тихий и прекрасный, вдруг начал перестраиваться прямо на глазах. Холм слева изогнулся и стал выше. За спиной выросла светящаяся гряда. Тонкие серебряные деревья мгновенно вытянулись в плотный сверкающий лес. Дальняя башня рассыпалась туманным сиянием и возникла совсем в другом месте.

— Что вы делаете?! — ахнула Вера.

— Путаем след, — коротко сказала Инь.

— Мы простые, — крикнул Ян, и золотые искры с его рук брызнули в воздух. — Но очень полезные! Я умею смешивать близкое, она — удерживать форму! Вместе мы — страшная бюрократия для любой погони!

Первый Шорох прыгнул.

Вера даже не успела вскрикнуть.

Прямо перед её лицом вспыхнула тонкая белая дуга, и тварь врезалась в неё с сухим, неприятным звуком — не как зверь в стену, а как нож в лёд. Шорох отшатнулся. Из его пустых глазниц посыпались серые искры.

— Бежим! — рявкнул Ян.

Они бросились вниз по склону.

Точнее, Вера бросилась вниз по склону, стараясь не смотреть назад и одновременно ужасно желая посмотреть назад, что, как известно, очень мешает достойному бегу. Инь и Ян скользили рядом с ней, не столько бежали, сколько направляли саму местность: под ногами вспыхивали светлые дорожки, камни уходили в сторону, сугробы сдвигались, образуя проходы.

Позади шуршала стая.

Шорохи неслись без рыка, без воя, без всякого приличного предупреждения. Только сухое, жадное шшшш-шшшш-шшшш по снегу, от которого в горле становилось пусто.

Один из них вынырнул справа — так быстро, что Вера

заметила его только тогда, когда серый силуэт уже тянулся к её плечу.

— Осторожно! — крикнула Инь.

Но Ян оказался быстрее.

Он хлопнул в ладоши — резко, зло, с неожиданной для такого вертлявого существа точностью. В воздухе вспыхнуло золотое кольцо. Пространство перед Шорохом дёрнулось, сложилось, будто лист бумаги, и зверь вместо Веры врезался в собственную тень.

Вера никогда раньше не видела, чтобы тень визжала.

Оказалось — неприятно.

— Ничего себе! — выдохнула она на бегу.

— Я же говорил, что я полезный! — крикнул Ян, явно польщённый.

— Позже похвалишься! — отрезала Инь.

Они вылетели на открытую площадку между двумя высокими светящимися утёсами.

Здесь снег шёл гуще. Ярче. Воздух был так насыщен сиянием, что всё вокруг казалось нарисованным молнией.

И это было плохо.

Потому что Шорохам тоже было видно их прекрасно.

Они окружали быстро, грамотно и с тем пугающим терпением, какое бывает у существ, слишком давно делающих одно и то же дело.

— Они нас режут от пути, — сказал Ян.

— Я вижу, — ответила Инь.

— Что значит режут от пути? — спросила Вера, тяжело дыша.

— То и значит. Сейчас нас будут аккуратно делить на части.

— Что за ужасная манера всё объяснять?!

— Зато понятно!

Один из Шорохов присел, готовясь к прыжку.

И тут Вера увидела, как в его пустой глазнице на короткий миг мелькнуло что-то знакомое.

Не лицо.

Не слово.

Ощущение.

Тёплое лето. Смех. Чья-то рука в её ладони. Секунда — и всё исчезло.

Она похолодела.

— Они что... уже что-то съели?

— Много чего, — тихо сказала Инь.

И в этот момент Шорох прыгнул.

Вера отшатнулась, закрывая голову руками, хотя прекрасно понимала, что против существ, которые едят воспоминания, локти — слабая защита.

Но удара не последовало.

Вместо него мир раскололся громом.

Не метафорически.

Не красиво.

По-настоящему.

Небо — это глубокое странное небо без солнца — вспыхнуло бело-золотой трещиной. По снегу прокатился удар, от которого Шорохи разом пригнулись, а у Веры в груди всё подпрыгнуло так, будто её сердце тоже решило срочно убежать отдельно.

На площадку сверху рухнула тень.

Огромная.

Кошачья.

— Только, — сказал голос, от которого воздух вокруг немедленно вспомнил о дисциплине, — попробуйте ещё раз тронуть мою девочку.

Вера подняла голову.

И на секунду забыла, как дышать.

Перед ней стоял Домино.

И не стоял тоже — потому что слово стоял годилось для обычных котов, которые лежат на батарее и лениво презирают человечество. Этот Домино возвышался над площадкой, как гроза, которая решила принять форму кота исключительно для удобства и личного вкуса. Его шерсть была чернее ночной воды и белее свежего снега одновременно; по бокам перекатывались тонкие молнии; усы сверкали, как серебряные нити, а над головой — хочешь верь, хочешь нет — сияла корона. Настоящая. Скошенная немного набок, потому что иначе это был бы уже не Домино, а что-то чересчур официальное.

Хвост его медленно качнулся.

И от этого движения по снегу пробежал свет.

Шорохи попятились.

— Домино? — выдохнула Вера.

Громадный кот скосил на неё один жёлтый глаз.

— А ты ожидала кого? — прогремел он. — Комитет по безопасности с извинениями?

Один из Шорохов, видимо, был либо особенно голоден, либо особенно глуп. А нередко, увы, это одно и то же. Он прыгнул прямо Домино в грудь.

Кот даже не шевельнулся.

Только посмотрел.

И тварь в воздухе развалилась на полосы тусклого серого дыма, которые ветер мгновенно унёс в темноту между холмами.

— Я предупреждал, — сказал Домино почти лениво.

Остальные отпрянули ещё дальше.

Молнии вдоль его шерсти вспыхнули ярче. Корона дрогнула и стала выше.

— Слушайте внимательно, вы, шелестящая мелочь, — сказал он, и в голосе его было столько ледяного достоинства, что даже снег, кажется, лёг ровнее. — Людей можно путать. Людей можно раздражать. Людей можно слегка воспитывать. Но только котам! А трогать мою подданную без моего разрешения — это совсем хамство.

Вера, несмотря на ужас, чуть не фыркнула.

Даже в виде небесного кошачьего божества Домино умуд-

рялся говорить так, будто скандалит из-за неубранной миски.

Шорохи кружили по краю площадки. Они не нападали. Не убегали. Просто ждали момент, когда страх даст слабину.

И Домино это видел.

Он шагнул вперёд.

Один шаг — и снег под лапой взорвался белым пламенем.

— Вон, — сказал он.

Второй шаг — и между ним и стаей пробежала изломанная молния, осветив всё так ярко, что Вера зажмурилась.

— Отсюда.

Третий шаг Домино не сделал.

Он только распушил шерсть, и над площадкой пронёсся такой раскат грома, что у Шорохов наконец сдали нервы — если, конечно, у таких существ вообще бывает что сдавать.

Стая сорвалась с места и рассыпалась по склонам, тая в сияющем снегу. Через несколько секунд остался только их сухой, обиженный шорох, уходящий всё дальше, дальше, дальше...

Потом исчез и он.

Стало тихо.

Только снег по-прежнему мягко светился. Только воздух ещё пах грозой — если гроза могла пахнуть льдом, звоном и слегка подгоревшей гордостью.

Грозовой кот стоял, гордо подняв подбородок, пока всё вокруг не стихло. Только тогда повернулся к Вере. Она си-

дела на снегу, ещё дрожала, но смотрела на него с тем самым выражением, от которого у него внутри что-то странно щекотало.

— Ты... пришёл, — прошептала она.

Домино фыркнул. Посмотрел в сторону. Потом снова на неё. Подошёл ближе. Сел рядом. Долго молчал.

— Конечно, пришёл, — буркнул он наконец. — Кого же ещё спасти, как не тебя?

Она обняла его грозовую лапу. По-настоящему. Он замер, как будто его пронзило.

— Эй, — тихо сказал он. — Только не плачь на мех. Он не водостойкий.

— Мне было страшно, — прошептала она. — Я подумала, что никогда больше их не увижу... ни маму, ни папу, ни братьев...

— Глупости, — отозвался кот. Тихо. Не ворчливо. Почти по-человечески. — Я всегда нахожу своих. Даже если они забыли, кто они такие и кто их хозяин.

Он поднялся, стряхнул снег с уха, принял свою обычную кошачью форму. Повернулся, будто хотел уйти... и не ушёл. Домино медленно выдохнул. И начал уменьшаться.

Не стремительно, не волшебным щелчком, а с тем странным естественным достоинством, с каким большая волна возвращается в море. Вот он был огромным, выше утёса, больше башни, страшнее бури. А вот уже просто очень большой кот. Потом просто большой. Потом — обычный Доми-

но. Ну, насколько Домино вообще можно было назвать обычным.

Корона, правда, осталась.

Он сердито тряхнул головой. Корона съехала на ухо.

— Ненавижу эту штуку, — буркнул он.

Вера кинулась к нему и, прежде чем успела вспомнить, что перед ней всё-таки кот с характером очень мстительного бога войны, обняла его.

Вера засмеялась — коротко, сквозь остатки страха, обнимая пушистый черно-белый комоч с короной.

А потом посмотрела на него, на чуть съехавшую корону, на усы, ещё дрожащие от грома, и спросила с настоящим, чистым, детским изумлением:

— Домино... а ты вообще кто такой?

Домино посмотрел на неё так, как смотрят существа, которых застали за чем-то слишком торжественным и теперь требуют объяснений в бытовом тоне.

— Это, — сказал он, поправляя корону лапой, — очень большой вопрос для девочки, которая ещё десять минут назад лежала тут лужей.

— Я не лежала лужей, — машинально возразила Вера.

— Лежала, снег все видит пока падает. Очень выразительной. Но сейчас не об этом.

Инь деликатно кашлянула. Если бы снежный свет умел быть воспитанным библиотекарем, он бы кашлял именно так.

— Вообще-то, — сказала она, — нам надо идти.

— Куда? — спросила Вера.

Ян всплеснул руками:

— Как куда? В Зеркальный Город, разумеется! Нам нужно вам что-то показать. Там происходит что-то странное и вы тоже что-то странное, поэтому я чувствую, что вы связаны.

Домино спрыгнул с камня, на который успел взобраться с видом полководца после победы, и мягко приземлился рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.